

Система словообразования древнерусского литературного языка характеризовалась и широко разветвленной сетью синонимических связей и отношений между основными ее единицами – словообразовательными типами. Как известно, словообразовательная синонимия является мощным стилистическим средством языка. Обратимся к примерам интересующей нас конфикальной синонимии: *без...ие – без...ный*: *безумие – безумный* (Домострой), *без...ие – без...ство*: *безаконие* (Радзивилловская) – *безаконьство* (СловарьСр), *без...ние – без...ный*: *безвремение – безвременный* (Домострой); *въз...ие – из...ье*: *възгавие – изголобие* (СловарьСр), *възгорье – изгорие* (СловарьСр); *на...ие – на...ница*: *навечерие* (СловарьСр) – *навечерница* (Домострой); *не...ье – не...ство*: *неверье – неверьство* (ЖитиеСр); *о...ье – на...никъ*: *оплечье – наплечьникъ* (СловарьСр). Именно за счет включения в повествование нужных стилистико-языковых средств автор памятника раскрывает малейшие нюансы в изложении. Этим и объясняется большое количество конфикально-синонимических параллелей в том или ином произведении.

Формирование новых словообразовательных средств происходило по разным причинам, одна из них – стремление к выразительности языка. Именно оно определило основные пути формирования новых словообразовательных средств древнерусского языка, среди них – переинтеграция морфем внутри производного слова, обобщение и моделирование для использования в целях словопроизводства. Именно с переработкой основы связано возникновение конфикальных структур. При этом элементом конфикса становится та часть основы, которая раньше входила в морфемную структуру в качестве аффикса или части сложной основы. При смене соотношенности активизируется производящая основа и образуется прерывистый аффикс. Речь идет именно о конфикации, т.к. мы допускаем соотношенность непосредственно с исходными именами, например:

безаконие – погубити вся творящие безаконие ... аще бы богъ любить вас и закон вашъ; (РадзивилловскаяЛ)

бездожие – ово бездожие, ово безвремение дождю, и нестройные лета, и зима неугодна, и земли бесплодие (Домострой)

беспутие – по многа же времена и пути пространаго не бяше къ месту тому, акы беспутием, нуждахуся приходити к ним (ЖитиеСр)

неверье – иже прежде неверием одержим, правоверною верою и велием гласом всем проповедаше (ЖитиеСр)

безсоние – и по мале часе в сон сведен бысть мног, въ еже болезни безсоние исполнити (ЖитиеСр)

навечерница – еже по навечернице поздно или долго вчера, акы сушу глубоко ноцию (ЖитиеСр); *и кто умеет грамоте – отпети вечера, навечерница и полунощница с молчанием* (Домострой)

поделеие – от него же помазан бысть на царьство, и выше дела поделеие пробрете (ЖитиеСр)

подворие – порядня и снасть была в подворие; в чужеи двор не идешь ни по што, свое – без слова (Домострой)

поморие – Асирь обита въ поморыхъ морьскихъ (СловарьСр. (Суд.V.17 по СП. XIV в.)

поселянин – поселянин, христианин, земледелец, живый на селе своем (ЖитиеСр)

отмѣстникъ – да будет отмѣстникъ богъ крови братаи моеи ... въздасть мечь врагом (РадзивилловскаяЛ)

Таким образом, производные образования типа *наводнение, навечерница, беспутие, неверие, безсоние, поделеие, бездожие, подворие, поселянин, поморие, отмѣстникъ* соотносятся в контексте непосредственно с именами *вода, вечерня, путь, вера, сон, дело, дождь, двор, село, море, мечь*. При этом производящая основа активизируется и образуется прерывистый аффикс (*на...ица, без...ие, не...ье, по...ие, по... янин, от...никъ*). Причем для каждого конкретного слова вопрос мотивированности решает его семантический объем.

Рассмотренный материал свидетельствует о значительной семантической и стилистической емкости конфикса, характерной чертой которого в древнерусский период была множественность мотивации. Именно полимотивация, а также своеобразие семантики слова в древнерусском языке нередко затрудняет определение способа образования разбираемых форм. Подвергая анализу стилистические характеристики конфикальных фактов, мы стремились показать, что конфикация – явление, развивающееся в условиях взаимодействия жанрово-стилистических разрядов литературно-письменного и народно-разговорного типов языка, многообразия словообразовательных связей, омонимии словообразовательной формы, во взаимосвязи с другими способами словопроизводства.

Источники и литература

1. Домострой / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова. – М.: Сов. Россия, 1990. – 304 с.
2. Жизнь и житие Сергия Радонежского / сост., посл. и коммент. В.В. Колесова. – М.: Сов. Россия, 1991. – 368 с.
3. Марков В. М. Избранные работы по русскому языку / В. М. Марков; под ред. проф. Г.А. Николаева. – Казань: ДАС, 2001. – 275 с.
4. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование: теоретические проблемы / Г. А. Николаев. – Казань: Казанский университет, 1987. – 152 с.
5. Полное собрание русских летописей, том 38: Радзивилловская летопись. – Ленинград: Наука, 1989. – 180 с.
6. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка / И. И. Срезневский. – СПб.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. 1-3

Коннова М. Н.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ ОБРАЗ ВРЕМЕНИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ МЕТАФОР)

Настоящая статья посвящена изучению концептуальных метафор времени и их языковых реализаций в русском и английском языках. Исследование представлений о времени в рамках когнитивного направления, возникшего на стыке разных дисциплин, является плодотворным, так как категория времени в силу своей универсальности обладает интегрирующей функцией и может рассматриваться только с учетом данных разных наук.

Категория времени принадлежит к ряду самых сложных явлений действительности; каждой культуре присуща собственная система временных понятий, особенно значимая в контексте внутрикультурной и межкультурной коммуникации. Онтологическая категория времени имеет свое вербальное воплощение. Одним из способов раскрытия содержания концепта времени являются метафоры, в которых временные представления оформлены с помощью образного содержания. От обширного класса метафорически интерпретируемых понятий время отличается, прежде всего, тем, что метафоры – едва ли не единственный способ описать его значение, поскольку в обыденной картине мира для него не существует естественного таксономического класса [1, с. 160].

Концептуальные метафоры возникают в рамках общепринятой традиционной системы ценностей. Важнейшие концептуальные метафоры имеют сквозной характер, составляя в совокупности «тезаурус культуры», и очерчивают пространство информационного взаимодействия членов данного сообщества. Метафора, став общекультурным символом и зафиксировав важное на определенном этапе для языкового сообщества явление, не исчезает, но продолжает существовать, видоизменяясь, обрastaть контекстом. С течением времени подобные метафоры могут стать общими для целого ряда языковых сообществ, представляя собой «мотив эпохи» [2, с. 13, 76-79].

Вопросы метафоризации времени привлекали внимание многих отечественных и зарубежных лингвистов – этому посвящены исследования Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, В. А. Плуменя, В. Эванс, Э. Трауготт, Д. Вундерлиха. Глубокая разработка временной проблематики нашла свое отражение в работах отечественных философов, литературоведов, историков, социологов, в частности, А. Я. Гуревича, М. М. Бахтина, А. Ф. Loseва, В. П. Седнева. При изучении проблемы взаимосвязи времени, мира и человека в русском языковом сознании имеют значение работы по русской ментальности Д. С. Лихачева, В. П. Адриановой-Перетц, А. С. Демина, А. Л. Юрганова, Л. П. Найденовой. При исследовании динамических аспектов развития представлений о времени теоретической значимостью отличаются работы современных западных социологов и историков культуры Ж. ЛеГоффа, Э. Тоффлера, Э. Кэллэрмана, Р. Вендорфа, в которых рассматриваются вопросы трансформации представлений о времени в Европе и Америке в отдельные исторические периоды. Однако при очевидной актуальности и достаточно высокой проработанности отдельных аспектов, проблема системного изучения изменений представлений о времени на основе концептуальных метафор времени не стала предметом специального рассмотрения ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике. Эти факты определили проблемное поле настоящего исследования, его и смысл и содержание.

Целью настоящей статьи является диахронный анализ категориальных сдвигов в концептуализации времени в русской и англо-американской культурах. Основная задача – проследить изменения ключевых макроконцептов времени, представленных такими концептуальными метафорами, как ВРЕМЯ – ДАР БОЖИЙ/ TIME IS A GIFT OF GOD, ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ/ TIME IS MONEY, ВРЕМЯ – ВИРТУАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ/ TIME IS A VIRTUAL ENTITY.

В динамике цивилизаций системообразующий характер носят духовные факторы, именно они формируют мировоззрение наций и народов: религия концептуально оформляет опыт массового сознания, предопределяет повседневную деятельность, образ жизни, морально-этические ценности, общее направление развития культуры [3, с. 3].

В христианском понимании природное время ведет свое начало от сотворения Богом мира и времени: *«И създателя суита указывает вьсехь бога, дни же и ношти творьца, света подателя и съдетеля сьльнцу, и промышльника лету»* (11 в.) [4, с. 217]; *«God made Sun and Moon to distinguish seasons, and day, and night, and we cannot have the fruits of the earth but in their seasons»*[5, с. 139]. Господь Бог – «един вечный и неизменяемый, Один и Тот же всеильный Творец, Вседержитель и всемогущий Управитель вселенной», и лета Его не оскудеют, «т.е. как были вечны, так и пребудут без всякого изменения в бесконечные веки веков; они не исчисляются временами», так как Бог и Сам не подлежит времени [6, с. 651].

В лексической системе древнерусского языка понимание сотворенности мира, времени и самой жизни Богом эксплицируется в многочисленных семантически близких сложных словах, содержащих корень *жив-/жиз-* и корни с общим значением *сотворения, начала*: **Живоначальный/жизноначальный** – заключающий в себе начало жизни: *«безначалне, живоначалне, боже всего мира, не имыи зачала ни конца, положивыи времена и лета»* (Великие Минеи Чети XVI в.) [7, с. 101-102]; **животворити, животворение, животворець** – Творец всего сущего, дающий жизнь (о Боге) [7, с. 104, 109].

Христианская вера вводит в русскую и английскую темпоральные концептосферы истинное отношение ко времени человеческой жизни как к данному Богом – *дару*, воплощаясь в базовой концептуальной метафоре ВРЕМЯ – ДАР БОЖИЙ/ TIME IS A GIFT OF GOD.

Многочисленные языковые реализации этой концептуальной метафоры присутствуют в русском и английском переводах Библии. Приведем несколько ветхозаветных обращений Бога к человеку: *«Избавлю его и прославлю его, долготю дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое»* (Пс 90) – *«I will deliver him, and honour him. With long life I will satisfy him, And shrew him my salvation»*(Ps. XCVI); *«и если будешь ходить путем Моим ... Я продолжу и дни твои»* (3 Цар 3, 14) – *«And if thou wilt walk in my ways, ... I will lengthen thy days»*(I Kings III, 14).

В древнерусском языке образ *жизни-дара* раскрывается в многочисленных однокоренных словах группы *дар*: напр., **Дарователь** – тот, кто дарует благо, ниспосылает благодать (о Боге); тот, кто наделяет чем-либо; ср. **дародатель, дародавець, датель, датие, дар, даяние, подаяние**: *«Всяко датие добро от отца света сими съходитъ»* (Сказание о Борисе и Глебе XII-XIII вв.) [8, с. 177], а также в целом ряде синонимичных сложных существительных и прилагательных, состоящих из корней *да-* и *жив-/жиз-*: **живодавный/ живодарный/ живодаровный/ живодатный/ живодательный; Живодавец** – тот, кто дает жизнь (о Боге): *«Въздающе хвалу живодавцю богу, препроводившу нас врьсту ношную»* (XI – XV в.) [7, с. 100-101]; **Живодатель/ Жизнодавец/ Жизнодатель**: *«Слава единому премудрому живнодателю богу, яко...дарова животъ»* (XVII в.) [7, с. 109].

Центральное место в структуре метафорического образа *времени-дара* занимает концепт 'Предназначение времени': *«...Долготерпяй же о нас, сотворивый вся, не хотяй смерти грешнику, но даяй время покаянию и*

призывая грешников во спасение, подаде во граде суцим во осаде отраду велику» [9, с. 224]; «**Время земной жизни – краткий отрезок на пути в Вечность – дано человеку для покаяния**» [10, с. 3]; «Honour and praise be given to thee, O Lord God Almighty, ...for sparing us so long, and giving us so large a **time of repentance**» [11]. Как свидетельствуют приведенные изречения, главная ценность дарованного Творцом времени заключается в возможности покаяния и исправления, которые дают человеку возможность получить милость Божию и спасение в вечности.

Можно заключить, что христианское понимание времени, находящее свое языковое выражение в многочисленных языковых метафорах, определяет высший духовный смысл человеческого бытия, помогает отделить важное от второстепенного, учит бережно относиться к священному дару времени – к самой жизни.

В процессе исторического развития понимание времени меняется: в Западной Европе в эпоху Возрождения и Реформации человек начинает все менее отчетливо воспринимать время как невозполнимый духовный дар, данный Богом. Использование времени для увеличения материального благосостояния приводит к постепенному категориальному сдвигу в области источника в концептуальной метафоре TIME IS A GIFT OF GOD: из структуры метафоры удаляется ключевой концепт *Подателя* времени. В результате категориального сдвига концепт времени перемещается из категории 'дар Божий' в категорию 'собственность'. Как следствие, происходит нарушение всех отношений внутри метафорической схемы: концептосфера *Дар Божий* вытесняется новой источниковой областью *Частная собственность/Ресурс/Товар*. Это становится концептуальным основанием экономической модели времени, которую структурируют концептуальные метафоры TIME IS A RESOURCE / ВРЕМЯ – ЭТО РЕСУРС, TIME IS A COMMODITY / ВРЕМЯ – ЭТО ТОВАР, TIME IS MONEY / ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ.

Впервые представление о времени как о *товаре* возникает в Европе в связи с вопросом о ростовщичестве, которое первоначально понималось как торговля временем, о чем свидетельствуют следующие слова Джона Дунса Скота (ум. 1308), профессора теологии в Оксфорде: «**Any sale of time is usury**» [12, с. 61]. Широкое распространение концепт *времени-товара* получает в XVIII-XIX вв. в США, где, в связи со сложившейся системой работорговли, время человеческой жизни, онтологически не имеющее денежного эквивалента, продавалось и покупалось: ср. «I have for a sale a very likely yellow woman, ... [with] between five or six years to serve. The **balance of her time will be sold** very low» (1843) [13, с. 1735]. Выражение **Time is money** впервые встречается в произведении английского автора Уилсона «Discourse upon Usuary» (1572 г.) [14, с. 599], и в дальнейшем становится конвенциональным. В XIX веке слово *time* начинает использоваться для обозначения финансовых операций: *time bill* (1831), *time deposit* (1853), *time draft* (1863). В этот же период выражение *on time* приобретает новое значение – «в кредит» (ср. немецкое «auf die Zeit kaufen / Zeitauf» 1524 г.) [13, с. 1735].

В Россию отношение ко времени как к собственности человека приходит вместе с западными обычаями в XVIII веке, ко второй половине которого относится появление лексем-калек с французского и немецкого языков *терять/тратить/упускать время* (фр. *perdre temps*), *время-препровождение* (фр. *passer-temps*), *времяупотребление* (нем. *Zeitvertrieb*) [15, с. 133]. В XIX веке входит в употребление пословица *время – деньги*. Первоначально распространенная в речи в виде цитаты («Современный путешественник не поверит: одиннадцать дней ухлопать на семьсот верст! *Американская* поговорка 'time is money' – до нас не доходила» – Гончаров, «Воспоминания» [16, с. 1244]), эта фраза лишь в последней четверти XIX в. начинает переводиться на русский язык, причем она неизменно ассоциируется с американской культурой: «Живу, как американец... Питаюсь солониной, читаю газеты. Только вот никак не могу привыкнуть жевать табак... *Время – деньги*, а на курение табаку сколько его напрасно уходит» (из рассказа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Золотуха», 1888-1889 гг.) [17, с. 95]. Ассоциативные связи метафоры *время – деньги* сохраняются до конца 80-х годов XX века: «Прагматичные до цинизма *жители Нового света* утверждают: «*Время – деньги*». Какая *ерунда*... *Время неизмеримо дороже* – его не заработать, не одолжить. Потерянное однажды, оно потеряно навсегда, такова его природа» («Известия», 30. 10. 1983) [17, с. 95]. В настоящее время в русском языке наблюдается резкое увеличение частотности реализаций «монетарных» метафор времени в связи с рекламными акциями компаний, предоставляющих услуги сотовой связи: «*В роуминге от МегаФон цена минуты фиксирована внутри каждой из 4 тарифных зон. И к тому же в рублях*» («МегаФон»). Таким образом, еще не так давно казавшийся чуждым метафорический образ *время – деньги* становится для носителей русского языка привычным.

С развитием компьютерных систем и новейших технологий во второй половине XX века представления о времени меняются; можно говорить о возникновении новой модели вневременного виртуального (техноцентричного) времени, в языке отраженной новой концептуальной метафорой ВРЕМЯ ЭТО ВИРТУАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ / TIME IS A VIRTUAL ENTITY. В техноцентричной модели время начинает смыслиться как цифровая последовательность, электронный импульс, поток информации: «*Cybertime*...is based on a series of separate and distinct *electronic pulses*; ...these *electronic pulses* do not simply mark time – they are what passes for time in cyberspace» [18, с. 355]. Виртуальное время в техноцентричной модели уподобляется непрестанно изменяемой программе, неуловимая скорость которой становится вневременной, нарушая традиционные ритмы человека и общества, уничтожая время: «The *instantaneity of electronic speed* is commonly said to annihilate distance...but it also *annihilates duration*...» [18, с. 357], «...культура реальной виртуальности, ассоциированной с электронно-интегрированными мультимедийными системами...вносит двойкий вклад в *преобразование времени* в нашем обществе: в виде *одновременности и вневременности*» [19].

Результаты диахронного анализа ключевых концептуальных метафор времени и их языковых реализаций в русском и английском языках свидетельствуют о том, что в процессе формирования современной концептосферы времени прослеживается категориальный сдвиг по линии источниковой зоны концептуальной метафоры: от христианского понимания времени, с образом *времени – дара Божиего*, к экономической модели времени, для которой *время – это товар и деньги*, и техноцентричной модели, где *время – это явление виртуального мира*. В зависимости от ценностных установок членов языкового сообщества меняются

аксиологический и этический компоненты категории времени: с угасанием веры небесное вытесняется земным, духовное материальным, вечное временным.

В дальнейшем интерес представляет сопоставительное изучение изменения представлений о времени на основе языковых данных славянских и германских языков, например на основе метафор русского, немецкого и английского языков.

Источники и литература

1. Плуниг В. А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – С. 158-169.
2. Свирепю О. А. Метафора как код культуры. Дисс... канд. философ. наук. – Ростов-на-Дону, 2001. – 162 с.
3. Бархатова О. Н. Западноевропейская средневековая христианская картина мира: Учебное пособие. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2000. – 87 с.
4. Словарь русского языка XI-XVII века. Вып. 8. – М.: Наука, 1981. – 351 с.
5. Donne's Sermons. Selected Passages. Oxford, 1919/1946.
6. Разумовский, Григорий, прот. Объяснение священной книги псалмов. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. – 992 с.
7. Словарь русского языка XI-XVII века. Вып. 5. – М.: Наука, 1978. – 392 с.
8. Словарь русского языка XI-XVII века. Вып. 4. – М.: Наука, 1977. – 403 с.
9. Сказание Авраамия Палицына// Памятники литературы Древней Руси. – М., 1987. – С. 162-281
10. Архимандрит Кирилл (Павлов). Время покаяния. – М., 2004. – 191с.
11. The Book of Common Prayer. Oxford, 1735 (MDCCXXXV).
12. Noonan, J. The Scholastic Analysis of Usury. Cambridge, 1957. – 432P.
13. Mathews M.M. A Dictionary of Americanisms. Chicago. 1951, V. 2. 1946 P.
14. Dictionary of American Proverbs. Ed. W. Mieder. N. Y., Oxford 1992. – 710 p.
15. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. Л.: «Наука», 1988. – 256С.
16. Бабкин А.М., Шендцов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. В 3-х книгах. – СПб.: Изд-во «Квотам», 1994. – кн. 3, 1344 с.
17. Берков В.П. и др. Большой словарь крылатых слов русского языка. – М.: Издательство «Русские словари», 2000. – 624 с.
18. Strate, L. Cybertime // Communication and cyberspace. Cresskill, 1996. – PP. 351-377
19. Электронный ресурс: www.buk.irk.ru/library/book/texts/mankast/chapter7.

Коновалова Т. І., Ярова Н. О.

ДО ПИТАННЯ ПРО ТВОРЕННЯ ДЕМІНУТИВІВ В НОВОГРЕЦЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ

Словотворення – одне з найбагатших джерел поповнення лексичного складу мови, яке органічно пов'язане з живими процесами розвитку лексики.

Питання словотвору продовжують привертати увагу дослідників на сучасному етапі розвитку лінгвістики. Багато праць з опису словотвірної системи орієнтовані на опис семантичних похідних і словотвірних категорій. В працях З. М. О. П. Єрмакової, Е. С. Кубрякової, Т. Папагеоргіу, М. Тріандафілітиса та інших лінгвістів знайшли своє відображення різні підходи в дослідженні словотвірного значення, але всім їм властива тенденція співвідносити структурні особливості процесів словотворення із семантичними особливостями словотвірного типу [4, 6, 14, 15].

Одним з центральних питань словотвору є аналіз словотвірних типів і афіксальна варіативність в системі іменникових граматичних структур. Одним з найпродуктивніших способів утворення нових іменників є суфіксальний. За допомогою деяких суфіксів із конкретним значенням творяться так звані форми суб'єктивної оцінки. Дослідники стверджують, що українська мова багата на словотвірні засоби вираження оцінки внаслідок великої кількості оцінних суфіксів та їх емоційного забарвлення в структурі мови. Оскільки творення оцінних назв невід'ємне від категорії кількості, досліджуючи оцінні форми, важливо розглянути іменники, утворені за допомогою суфіксів із функцією зменшеності-експресивності, тобто демінутиви, які означають об'єкт як зменшену одиницю, наприклад, **кішка – кішечка, ұаға – ұағітса, вода – водичка verb – веріка**.

Дослідження вищезгаданих суфіксних утворень та словотвірних формантів української мови в порівнянні з відповідними афіксами новогрецької мови, також багатой на засоби емоційного вираження, становить, на наш погляд, значний науковий інтерес, оскільки порівняльний аспект допомагає висвітлити деякі закономірності, зробити висновки, важливі для обох мов.

Актуальність дослідження зумовлена загальною спрямованістю сучасних мовознавчих студій на комплексне дослідження явищ на всіх рівнях мови, зокрема, на лексичному, розповсюдженістю іменників з суфіксами суб'єктивної оцінки в усному і художньому мовленні новогрецької та української мов, а також недостатнім рівнем висвітлення даної теми в сучасній лінгвістиці.

Метою даної статті є порівняльний аналіз демінутивів в новогрецькій та українській мовах. Для досягнення цієї мети були розглянуті пейоративні форманти, які беруть участь у творенні демінутивів та власне демінутиви новогрецької мови та їх українські відповідники. Джерелом дослідження слугували словники української та новогрецької мов [7, 13].

В лінгвістиці існують різні точки зору на слова із суфіксами суб'єктивної оцінки. Так Л. А. Булаховський розглядав суфікси із значенням демінутивності-пейоративності в одному ряду з іншими словотвірними суфіксами. [2; 126-132]. В академічному курсі сучасної української літературної мови емоційно-оцінні суфікси розглядаються як «суфікси, які вносять у значення слова відтінок суб'єктивної позитивної чи негативної оцінки» [11; 43]. П. І. Білоусенко відніс емоційно-оцінні утворення до окремих слів [1]. Деякі мовознавці кваліфікують словотвірні суфікси, що категоризують значення власне-зменшеності, як засоби вираження суб'єктивної раціональної оцінки [12:33-34]. Питання, пов'язані з утворенням демінутивів розглядалися в працях таких українських мовознавців як Г. В. Семеренко, С. С. Плямовата, М. В. Коваленко та ін. [9, 8, 5], а також в дослідженнях новогрецьких лінгвістів: М. Тріандафілідиса, Г. Папагеоргіу та ін. [15, 14]. Ми поділяємо думку тих мовознавців, які вважають, що емоційна оцінка є невід'ємною частиною лексичного значення слова. Похідні з емоційно-оцінними формантами є окремими словами, а суфікси, які беруть участь в їхньому творенні, мають статус словотвірних.

Найпоширенішими в нашому матеріалі виявилися суфікси **-άκι, -άκης, -άκος, -ουδάκι, -ούλα, -όπουλο/ -όπουλα, -έλι, -άριο (-ωάριο)**. Новогрецькому суфіксу **-άκι**, який використовується для творення демінутивів